

в начале XII в. старательно замалчивает в своей хронике все, что могло бы свидетельствовать о распространенности славянского просвещения, но и у него мы находим известие о том, что в 1097 г. латинский аббат Детгарт не нашел в доверенном ему монастыре других книг, кроме славянских. Это дало позже повод сазавскому монаху отметить, что книги, написанные на том языке, все уничтожены и никогда больше не будут читать по ним в этом монастыре.²⁹ Кирилло-мефодиевская традиция в Чехии должна была быть очень значительной и М. Вейнгарт имел полное основание предпринять реконструкцию чешско-славянского типа церковнославянского языка.³⁰ Базой для этой реконструкции служат в первую очередь тексты, сохранившиеся в древнерусских списках или переделках чешских и моравских литературных произведений.

А. И. Соболевский первым обратил внимание на многие древнерусские и несколько южнославянских литературных памятников, которые, судя по словарному материалу, были первоначально переведены с латинского языка на славянский в Моравии или Чехии.³¹ Беседы папы Григория Великого, Никодимово евангелие, значительное число житийных произведений, как например жития св. Аполинария, Венедикта, Хрисогона, Георгия, Климента, папы Стефана, Вита и Анастасия. Что касается жития св. Вита, Вашици удалось доказать, что прототип этой легенды действительно должен был попасть в Россию из Чехии, так как тот же самый текст послужил основанием и для глаголической службы св. Виту, которая была в употреблении в пражском Эммауском монастыре в XIV в.³² С латинского переведен комплекс русских молитв, сохранившихся в русском сборнике XIII в., среди них особенно обращает на себя внимание молитва св. Григория Двоеслова (папы Григория Великого), в которой молящийся обращается к апостолу Петру как хранителю ключей от небесного царства. Другая молитва, приписываемая тому же папе, — об избавлении от блуда и об угашении плоти — сохранилась даже в рукописи XI в.³³ Особый интерес представляет одна русская молитва, в которой наряду со св. Борисом и Глебом, а также с Кириллом и Мефодием упоминаются западнославянский святитель св. Войтех и скандинавские святые — Магнус, Канут, Албан, Олаф и Ватульф. Этот текст послужил Н. И. Коробке основанием для гипотезы о западных источниках русского христианства.³⁴

В рецензии на работу А. И. Соболевского «Церковнославянские тексты моравского происхождения» Г. А. Ильинский отмечал: «Присутствие в каком-либо произведении литературы известного числа иностранных слов отнюдь еще не указывает на то, что памятник, хотя бы только в своем первоначальном оригинале, возник на территории того языка, слова которого вошли в его текст. Они могли проникнуть сюда и на родной почве, — но не как результат литературной традиции, не как архаизм, но просто как результат позднейшего влияния чужих — в данном случае западнославянских — языков на старославянский».³⁵

²⁹ První pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1950, стр. 74.

³⁰ M. Weingart. Českoslavenský typ církevní slovančiny, jeho památky a význam. Bratislava, 1949.

³¹ А. И. Соболевский. 1) Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900; 2) Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. — ИОРЯС, т. X, кн. 4. СПб., 1905, стр. 66—78; 3) Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. 88. СПб., 1910.

³² I. Vašica. Staroslovanská legenda o sv. Vitu. — Slovanské studie. Praha, 1948.

³³ А. И. Соболевский. Молитва о избавлении от блуда и о угашении плоти. — ИОРЯС, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 13.

³⁴ Н. И. Коробка. К вопросу о источнике русского христианства. — ИОРЯС, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 367—385.

³⁵ ИОРЯС, т. V, кн. 4. СПб., 1900, стр. 1384—1385.